

СЕМЕЙНЫЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ТИМОФЕЕВЫХ (ШАДРИНСК, XX В.)

В. П. Федорова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

На материале 479 писем Тимофеевых, «Автобиографического очерка» Павлина Дмитриевича Тимофеева (127 страниц школьных тетрадей) и двух словарей исследуется своеобразие речевого портрета трехпоколенного семейства шадринцев (XX в.). Репрезентативность выводов вытекает из продуктивной методологии исследования, предусматривающей связь духовной культуры с историческими, географическими условиями. Это позволило раскрыть свободное владение шадринцами словом как семейной ценностью.

Ключевые слова: слово, семья, связь поколений, письма, диалект, двоеверие, традиция, речение, сакральность.

Носители языка

По наблюдениям А. Н. Афанасьева, в народе принят синонимический ряд обозначения речи. Бытуют как однозначные глаголы: баять, вещать, говорить, мыслить, думать, пенять, петь, чародействовать, заклинать и лечить (прогонять нечистую силу болезней вещим сном и чарами), оговорить и т. д. [1. С. 335—337]. В письмах Тимофеевых тоже принято многообразное толкование термина «слово». Понимая, что речь шире слова, примем, характеризуя «наречие» семьи Тимофеевых, их терминологию.

Отметим своеобразную раскованность Тимофеевых в подходе к возможностям использования слова: неожиданная лексика, свободное обращение с синтаксисом и с «чужим словом», мастерское владение диалектом. Эта особенность речи Тимофеевых — отражение менталитета шадринцев, сформировавшегося в специфических социальных, исторических и географических условиях. О смелости сибиряков в речевом обращении с людьми разных классов писал декабрист Н. В. Басаргин, отбывавший ссылку в землях за Уралом, в том числе в Кургане. Сравнивая речь сибиряков и жителей своего имения во Владимирской губернии, декабрист связывал способ выражаться с особенностями социального положения людей. Свободные от крепостного права сибиряки свободно разговаривают с баринном. Другое дело — закрепощенный люд: «Не мог я тоже привыкнуть к их образу выражаться и говорить со мной... Например, господская рука была не рука, а ручка, не нога, а ножка, господин не ходит, не ест, не пьет, а изволит ходить, изволит кушать, изволит забавлять-

ся, изволил занемочь и т. д. Как-то раз я заметил одной женщине, что ее выражения неправильны, что ручка только у детей и что слово “изволил” не идет к такому действию, которое совершилось против желания, например: упасть и ушибиться. Она с удивлением посмотрела на меня и отвечала, что я, конечно, изволю шутить, что рука у просто-народия, а у господина — ручка и что нельзя про них говорить иначе, как с прибавлением изволил ко всему, что они делают и что с ними случается» [2. С. 298—299]. Кстати, и бытовую чистоплотность сибиряков связывал Н. В. Басаргин с их свободой [Там же. С. 297].

Эта характеристика речи сибиряков относится и к Тимофеевым — жителям Шадринского уезда, который был своеобразными воротами в Сибирь. Уезд оказался одним из центров северного торгового пути, что требовало от населения смелости, риска, грамотности, деловитости, контактности. Торговля априори предполагает яркую, образную речь. Не случайно в языке утвердилось наблюдение: «Не похвалишь, не продашь». Хвалили и продавали привозной и свой товар на Крестовской ярмарке — третьей в России по товарообороту — после Нижегородской и Ирбитской. Это формировало не только характер шадринцев, но и их речь. В. П. Бирюков отмечал влияние на нее смешения диалектов, вынесенных из тех мест, откуда выходил тот или иной переселенческий поток. В Зауралье перемалывались наречия разных регионов России. Преимущественно влиял Русский Север. Значительным был приток населения из северных краев Урала, особенно из верховий Камы. Так, семья матери В. П. Тимофеева (в девичестве

Теплоухова) переселилась за Урал из Усоля-Камского. В их деревне было много Усольцевых, что стало основанием переименования ее названия: прежняя Сукина стала называться Усольцевой [11. С. 4]. Темпоральные границы бытования речевого комплекса семьи Тимофеевых — XX в. Старшее поколение впитывало его еще в начале XX в., судя по датам рождения (конец XIX в.).

Семейно-биографическое повествование о Тимофеевых открывается характеристикой матери родного гнезда — Евдокии Михайловны как начала речевой жизни семьи. Родившаяся в 1896 г., она напиталась «речением» предыдущих поколений и передала его детям, о чем свидетельствуют отметины в их письмах: «Мама говорила».

Почти постоянное проживание Евдокии Михайловны в одном локусе позволяет рассматривать ее речь как традиционную для этих мест с учетом талантливости знатока слова. К сожалению, не сохранились ее письма мужу на фронт, написанные под диктовку подростком-сыном. Свообразную, яркую речь Евдокии Михайловны высоко оценил ее внук Игорь Вячеславович, филолог по образованию: «Пока я жил один день, так она меня засыпала разными пословицами да поговорками, я поздно додумался записать, но кое-что успел все-таки: “Деньги есть, дак Иван Петрович, денег нет, дак Ванька шкет”, “Экот бы смех да на всех, я бы всю голову расхотала” (значит сильнее вас бы хохотала). ...А какая у бабушки речь образная» [Там же. С. 6].

Характерные особенности речи Евдокии Михайловны отражены в «Словаре диалектной личности» [10].

Речь старшего поколения представляют 114 писем и «Автобиографический очерк» Павлина Дмитриевича, 1899 г. р., уроженца села Сладчанки Шадринского района. Павлин Дмитриевич много читал и писал. Начальное образование получил в деревенской школе, интерес к слову открыл зауральцу мир литературы. Естественны в его письмах и очерке аллюзии к произведениям А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Н. А. Некрасова и др. По свидетельству сына, он знал многое наизусть: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и его работнике Балде», басни Крылова, стихи Кольцова [11. С. 42]. Все это переплетено с диалектизмами и новой лексикой, продиктованной социальными и политическими сдвигами в стране: «Руководящий состав диктовали», «Целевой денежный оклад», «Бурная коллективизация» и т. д.

Сплав речи родного гнезда и фольклора пронизывает 20 писем Матрены Дмитриевны, уехавшей в Забайкалье в 1930-х гг. В смешении речевых потоков в далеком от родных мест регионе она сохранила шадринский говор. «Насквозь фольклорная», Матрена Дмитриевна сообщила брату в 1950 г. о смерти своей дочери в форме похоронного плача:

Пишу я вам письмо не от радости
И не от веселия,
А я со горя, я со великого.
Со печальюшки со великой
Во слезах-то я во горячих:
Схоронила я свою любимую доченьку
Октябрину и Александровну.
Оставила она меня
Со своими малыми детоньками
На чужой сторонюшке.
И вот взята у меня была надеюшка
На нее, на свою милую доченьку.
Не с кем теперь мне думушку подумать
И не с кем слово тайное молвить

[Там же. С. 37].

Четырнадцать сохранившихся писем Георгия Дмитриевича (1907 г. р.), фронтовика, работавшего в коллективах Читинской области, отразили разрушение шадринского речения в новых условиях без подпитки родного слова.

Речь второго поколения характеризуют 310 писем (1948—1958) Татьяны Павлиновны. Рожденная в 1923 г., в юном возрасте вошедшая в войну, подростком вынужденная зарабатывать на хлеб, она не получила достойного образования: окончила девять классов Мехонской средней школы крестьянской молодежи. Тяжелые условия жизни не убили ее живую душу и свежий, яркий язык. «Таня — натура художественная, она играет на балалайке, поступила накануне войны в Челябинское музыкальное училище, но не получилось, знает и поет, читает газеты, гостеприимна, радушна ко всем родным, знакомым, заботливая, искренняя», — пишет о ней брат [Там же. С. 38]. Триста десять писем — «летопись ее души, ее семьи, это и жизнь...» [Там же].

Итак, объем исследуемого материала репрезентативен: 479 писем, два словаря и автобиографический очерк.

Рассмотрим, как в этом большом речевом комплексе отразился коллективный портрет семейного речения.

Сакральность слова

Первое, что надо отметить, — представление о сакральности слова. В мировоззренческом отношении слово в письмах Тимофеевых представит в параметрах двоеверия: переплетении язычества и христианства. Оно наделяется всемогуществом: «Слово — не стрела, а хуже стрелы» [Там же. С. 155], поэтому со словом следует обращаться разумно, не пускать его на ветер: «Слово — серебро, а молчание — золото» [Там же]. Слово воспринимается как вещь, наделенное тайнами. Татьяна Павлиновна неоднократно напоминает о родной речи, которую должны понимать только все родные. В одном письме к брату она напоминает о необходимости хранить тайну, заключенную в слове: «Ты понял мой язык? Все точно. Ни звука. Своя рубашка ближе к телу. Не озабочивай свою душу, не думай своей головушкой» (21.II.1988).

Таким образом, шадринские Тимофеевы сохранили древний взгляд на слово как сакральную сущность, о чем писал А. Н. Афанасьев: «...Слову человеческому была присвоена та же всемогущая сила, какую обладают сближаемые с ним божественные стихии» [1. С. 334]. Речь Тимофеевых в этом отношении близка к заговорной [12. С. 9].

Слово репрезентируется как вместилище многих смыслов: «Одним словом» [11. С. 131]. Смысловое наполнение слова отмечают словари, с чем соотносимы суждения Тимофеевых: единица речи, самая речь, разговор, беседа, устное публичное выступление, текст к песне и т. д. [7. С. 674]. Наделяется слово организующим началом: «Надо встать да голос дать» [11. С. 114]. В речи шадринцев слово обладает могущественной силой. Основание силы слова — предметность. По языческим воззрениям, оно персонифицируется, поэтому не всегда зависит от воли человека, а проявляет свою самостоятельность: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» [Там же. С. 155]. В одном из писем Татьяна Павлиновна напоминает о том, что слово самостоятельно: «Все же ты человек большой с богатым наречием, слово человека убьет» (09.10.1977). В другом письме она беспокоится о том, что пожелание плохого сбудется, хочет этот сказавший тяжелое слово или нет: «Вот грех станься, от слова не доспейся, если умрет, дак куда вы ее повезете?» [Там же. С. 134]. Оно способно преодолевать пространство: «Слух идет» [Там же. С. 155]. В письмах Тимофеевых слово предстает как некая амбивалентная сущность, способная приносить одновременно и добро и зло. Это соотносится с представлением о превращении, характерном для тотемов — ля-

гушки, белки, зайца и т. д. Словом можно обогреть [Там же], словом можно убить: «Слово — не стрела, а хуже стрелы» [Там же].

Из языческих далей через множество поколений дошло до лексикона Тимофеевых верование о связи жизни и слова, что реализуется через мотив нити. В одном из писем, от 07.07.1985, Татьяна Павлиновна идентифицирует слово и нить — символ жизни, что широко представлено в разных жанрах фольклора: «Ой, что чо я? Размотала клубок на четвертую страницу. Это, Веня, тебе интересно» [11. С. 146]. Эта мысль дублируется в другом письме: «Развязала язык» [Там же. С. 146].

В восприятии Тимофеевых сила слова задана не только его Божественным началом, но и материальностью. Еще А. Н. Афанасьев, исследуя поэтические воззрения славян на природу, отмечал древние представления о материальности слова: «Слово человеческое вылетает из-за городьбы зубов, как быстрая птичка, и уязвляет ненависть врагов, как острая стрела, почему Гомер дает ему эпитет крылатого» [1. С. 334].

Материальная земная основа рассматривается Тимофеевыми как возможность давать ту или иную характеристику содержанию слова. Так, грубость словом передается через образы отрицательного содержания и соответствующий звукообраз: «Лязгать зубами» — ругаться [11. С. 110]. Грубая речь характеризуется через грубые физиологические отправления: «пялить рот» — кричать [Там же. С. 145]; «разинуть глотку» — кричать [Там же. С. 146]; «рвать горло» — кричать [Там же. С. 147]; «распелить рот (хайло)» — грубо кричать [Там же. С. 147]; «пошел городить» — неправду говорить [Там же. С. 142]; «пошел собирать» — склочничать [Там же]; «языком болтать» — говорить неправду [11. С. 174]; «тянуть за язык» — заставить что-то сказать [Там же. С. 164].

Тимофеевы приняли метафоры, в которых слово можно разносить, его можно молоть, им можно резать: «мели, Омеля, твоя неделя» [Там же. С. 181]; «с три короба наговорить» [Там же. С. 161]; «резать правду-матку в глаза» [Там же. С. 147].

Вместе с тем слово призывает христианские силы на помощь человеку: «Бог с тобой», «Бог на помощь», «Христос с тобой» [Там же. С. 65]; «дай Бог здоровья доброй земле», «дай Бог памяти» [Там же. С. 83].

Сакральность слова, по языческим представлениям, проявляется его способностью объединять и разъединять людей: отсутствие слова, общения лишают человека главного его видового показателя.

Немота неестественна для людей, разрушает их. В этом отношении показательно письмо Татьяны Павлиновны брату по поводу тяжелого положения племянника Игоря, который должен проходить воинскую службу в Заполярье. По ее представлению, там по-русски не говорят. Трагедия племянника видится ей в глухом одиночестве, возможной потере человеческого начала, вызванного отсутствием своего языка. Скромная, воспитанная, она считает позволительным в этих условиях прибегать к ненормативной лексике, которая, по ее наблюдениям, легко усваивается разными этносами. Что называется, и смех и грех: «Я со страхом представляю, какой ужас он испытал, когда их посадили в самолет и куда они приехали с тепла в холод. Нет кругом своего, близкого человека, кто бы тебя словом обогрел. Хоть бы матом есть с кем было перемолвиться, и то бы легче было» [11. С. 42]. Слово как сакральную сущность шадринцы связывают с мифологизированным предметом — дорогой: «Язык до Киева доведет» [12. С. 174].

Слово наделяется более значительной силой, чем действие: «Научись колдовать, а потом воровать» [11. С. 138]. Сила слова видится в его всепроникающей способности. Оно дает о себе знать там, где бессильно зрение. «Не увидеть, так можно услышать» — узнать о том, что:

Боля хитрый, боля мудрый,
Каждо девку осмеёт,
Не увидим, дак услышим,
Кака женка попадет [Там же. С. 126].

Сакрализация слова поставила его на высшую ступень аксиологии. Оно — великое благо и средство оценки человека. Получает высокую оценку логичная, грамотно построенная, яркая речь. Она именуется красной. Устами, владеющими таким словом, «да мед пить» [Там же. С. 162]. Добрая веселая речь вызывает восторг и удивление. Татьяна Павлиновна, сама бойкая на язык, восторгается речью одной из родных: «Откуда чо берет! Женька как начнет отчиличивать, дак откуда чо и берет!» [Там же. С. 133].

Представлением о сакральности слова вызывает осуждение и непризнание как косноязычия, так и болтливости: «чья бы корова мычала, а твоя бы молчала», «не тебе бы говорить, не мне бы слушать» — не наше дело [11. С. 126]; «у Федорки всегда отговорки» — о человеке, который постоянно отговаривается [Там же. С. 166]; «ври, да знай меру» — не слишком завирайся [Там же. С. 75]; «одна была у волка песня, и ту отобрали

(отняли)» [Там же. С. 130]; «с три короба наговорить, наплести» — много говорить, наврать [Там же. С. 161]; «во весь рот молвить» — говорить громко, во весь голос [Там же. С. 72]; «языком почесать» — попусту говорить [Там же. С. 174]; «болтать языком» — попусту разговаривать [Там же. С. 166]; «язык без костей» — много говорить [Там же. С. 174].

С представлением о сакральности слова и его ролью в мироздании как человеческой черте связано неприятие молчания, немоты, что часто выражается в иронии: «Нашел — молчит, потерял — молчит» [Там же. С. 118]. Георгий Дмитриевич пишет 05.12.1936: «Чем чаще пишешь письма, тем больше находится слов писать, а то мы один другого не знаем, кто как живет. Как говорится, что сошлись и поговорить нечего» [Там же. С. 157].

Татьяна Павлиновна сетует на вынужденную немоту, отчего и последовало многословие, равное немоте. Эти полюса речевого параметра идентифицируются.

Татьяна Павлиновна в письме от 23.04.1973 сетует на то, что ее многословие — результат длительного молчания: «Вот, Вено, от немоты-то размочила языню, так что, пошла и пошла моя языня трепать, всю куделю растрепала, все рассказала» [Там же. С. 142].

За рамками данной статьи осталась проблема «чужого слова» в письмах семьи Тимофеевых. Она выведет на связь слова зауральской семьи с мировой культурой.

Заключение

Эмпирическая база исследования позволила сделать объективные выводы о своеобразии семейного речевого портрета Тимофеевых (Шадринск, XX в.). Отношение к слову шадринцев как черте менталитета семьи вызвано социальными, историческими условиями края: отсутствием крепостной зависимости, развитостью промыслов и торговли. Все это сформировало свободное обращение со словом как семейным достоянием, понятным всем членам семьи как хранителям тайн поколений, основы их сплоченности и доверия друг другу.

Примечательная черта семейного речевого портрета — представление о сакральности и амбивалентности слова: оно способно возвысить и убить. В рамках языческих воззрений сохранилось в семье Тимофеевых отношение к слову как аналогу дороги и нити, то есть самой жизни. При этом слово

раскрывается как основа социальной связи людей, как примета человеческого бытия. Приметой речевого портрета Тимофеевых является сплав христианства и язычества с преобладанием архаических воззрений.

В условиях свободы от крепостной зависимости утвердилось в семье Тимофеевых свободное владение различными аспектами русского языка: разговорная речь, фольклор, литературные произведения, диалекты.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово: монография. М.: Совет. Россия, 1988. 512 с.
2. Басаргин Н. В. Рассказы, воспоминания, статьи: сборник. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1988. 541 с.
3. Даль В. Пословицы русского народа: сборник. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1957. 991 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1994. 1782 с.
5. Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. М.: Совет. энцикл., 1992. 719 с.
6. Новый Наутилус. Собрания крестьянина Д. М. Торопова: краеведч. изд.: сборник / ред., вступ. ст., коммент. А. А. Зыкова. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2018. 336 с.
7. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под общ. ред. акад. С. П. Обнорского. Изд. 3-е. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. языков, 1953. 848 с.
8. Пословицы и поговорки Шадринского уезда (Записаны местными уроженцами и краеведом А. Н. Зыряновым 14.05.1950) // Авангард (Шадринск). 1992. 8 июля.
9. Тимофеев В. П. Словарь диалектной личности. Шадринск: Шадринский гос. пед. ин-т, 1971. 414 с.
10. Тимофеев В. П. Фразеология диалектной личности: словарь. Шадринск: Шадрин. гос. пед. ин-т, 2003. 176 с.
11. Федорова В. П. Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX в.: монография. Курган: Курган. гос. ун-т, 2003. 288 с.
12. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв.: монография. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Сведения об авторе

Федорова Валентина Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Гуманитарного института Курганского государственного университета, Курган, Россия. filfak@kgsu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 137—142.*

SPEECH PORTRAIT OF THE TIMOTHEEV FAMILY (SHADRINSK, XX CENTURY)

V. P. Fedorova

Kurgan State University, Kurgan, Russia. filfak@kgsu.ru

The article examines the peculiarities of the speech portrait of a three-generation family from Shadrinsk (embracing the span of the 20th century) on the material of 479 letters, The Autobiographical Essay by Pavlin Dmitrievich Timofeev (127 pages of school notebooks) and two dictionaries. The representativeness of our conclusions derives from the research methodology, revealing the connection of spiritual culture with historical and geographical conditions. We show that the free wielding of the word was viewed by the Timofeevs as the family value, which is a feature of the mentality of the residents of Siberia, already noted by the Decembrist N. V. Basargin, who was sent to Kurgan. Also, the Timofeevs' treatment of the word as a sacred entity is determined by the stability of the archaic culture of the places of exodus of migratory flows (the Russian North and the Ural-Vyatka region), its conservation in the closed world of the Trans-Urals. In the letters and the essay, the word appears as an ambivalent, independently living phenomenon, the mystery of which is opening up to its users.

Keywords: *word, family, connection between generations, letters, dialect, double-faith, tradition, speech, sacrality.*

References

1. Afanas'ev A. N. (1988) *Zhivaya voda i veshchee slovo* [Living water and the word]. Moscow, Soviet Russia. 512 p. [in Russ.].
2. Basargin N. V. (1988) *Rasskazy, vospominaniya, stat'i* [Stories, memories, articles]. Irkutsk, East Siberian Book Publ. 541 p. [in Russ.].
3. Dal' V. I. (1957) *Posloviy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, State Publishing House of Fiction. 991 p. [in Russ.].
4. Dal' V. I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka v 4 t. T. 3* [Interpretive dictionary of the Great Russian language in 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ. 1782 p. [in Russ.].
5. (1992) *Mify narodov mira v 2 t. T. 2* [Myths of the world's peoples in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Soviet Encyclopedia. 719 p. [in Russ.].
6. (2018) *Novyj Nautilus. Sobraniya krest'yanina D. M. Toropova* [New Nautilus. Essays of the peasant D. M. Toropov]. Kurgan, Kurgan State University Publ. 336 p. [in Russ.].
7. Ozhegov S. I., S. Obnorsky (ed.) (1953) *Slovar' russkogoyazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Languages. 848 p. [in Russ.].
8. (1992) *Posloviy i pogovorki Shadrinskogo uezda (Zapisany mestnymi urozhencami i kraevedom A. N. Zyryanovym 14.05.1950)* [Proverbs and proverbs of Shadrinsk district (Recorded by local natives and local historian A. N. Zyryanov 14.05.1950)]. *Avangard (Shadrinsk)*, July 8.
9. Timofeev V. P. (1972) *Slovar' dialektnojlichnosti* [Dictionary of dialect personality]. Shadrinsk, Shadrinsk State Ped. Institute Publ. 414 p. [in Russ.].
10. Timofeev V. P. (2003) *Frazeologiya dialektnoj lichnosti: slovar'* [Phraseology of dialect personality: dictionary]. Shadrinsk, Shadrinsk State Ped. Institute Publ. 176 p. [in Russ.].
11. Fedorova V. P. (2003) *Chelovek i slovo v zagovorah: Yuzhnoe Zaural'e. Konec XX v.* [Man and word in conspiracies: Southern Trans-Urals. End of XX century]. Kurgan, Kurgan State University Publ. 288 p. [in Russ.].
12. Shchepanskaya T. B. (2003) *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy tradicii XIX — XX vv.* [Culture of the road in the Russian myphorital tradition of the XIX — XX century]. Moscow, Indrik Publ. 528 p. [in Russ.].